

УДК 821.521-94
ББК 84(5Япо)-44
Н60

二条
とわすがたり

Перевод со старояпонского, предисловие
и комментарии *Ирины Львовой*

Перевод стихов *Елены Червей*

Художественное оформление серии *Натальи Портняной*

Нидзё.
Н60 Непрошенная повесть / Нидзе ; [перевод со старояпонского, предисловие и комментарии И. Львовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-206331-2

«Непрошенная повесть» создана в XIII веке легендарной фрейлиной Нидзё, наследницей некогда могущественной аристократической семьи, родственной императорскому дому Японии. На страницах своего дневника Нидзё предстает одаренной, наделенной природным умом и тонкой душой — она описывает свой путь от фаворитки императора до буддистской монахини в непростое время угасания японской монархии. Удивительная энергия, настойчивое и целеустремленное желание вырваться из порочного круга дворцовой жизни не дают Нидзё пасть духом.

УДК 821.521-94
ББК 84(5Япо)-44

© Львова И.Л., перевод на русский язык,
наследники, 2025
© Е. Червей, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206331-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уэтой книги удивительная судьба. Созданная в самом начале XIV столетия придворной дамой по имени Нидзё, она пролежала в забвении без малого семь веков и только в 1940 году была случайно обнаружена в недрах дворцового книгохранилища среди старинных рукописей, не имеющих отношения к изящной словесности. Это был список, изготовленный неизвестным переписчиком XVII столетия с утраченного оригинала. Ценность находки не вызвала сомнений, но рукописи снова не повезло — обстановка в Японии начала 40-х годов не располагала к публикациям такого рода, несмотря на всю их художественную и познавательную значимость. Четвертый год шли военные действия в Китае, Япония готовилась к вступлению во Вторую мировую войну. Центральным стержнем милитаристской идеологии был культ императора, принимавший все более реакционные формы. Повесть Нидзё, правдиво рисующая быт и нравы, существовавшие, пусть даже в далеком прошлом, при дворе японских императоров, «божественных предков», звучала бы в тех условиях недопустимым диссонансом. Так случилось, что «Непрошенная повесть» увидела свет лишь сравнительно недавно, в 60-е годы. Появление этой книги стало сенсацией в литературных кругах Японии, привлекло внимание японских и зарубежных ученых, а со временем и широких читательских кругов. Ныне автобиографическая повесть Нидзё заняла достойное место в классическом наследии японской литературы, стала одним из неотъемлемых ее звеньев, приоткрывшим для нас новые, яркие грани самобытной культуры японского Средневековья.

Своеобразной была обстановка в Японии второй половины XIII столетия, на которую приходятся годы жизни Нидзё (1258 — ?). Прошло уже больше полувека с тех пор, как после долгой кровопролитной междоусобицы власть в стране перешла от старинной родовой аристократии во главе с императорским домом в руки сословия воинов-самураев. На востоке страны, в селении Камакура, возникло новое правительство самураев, так называемое Правительство Полевой Ставки — Бакуфу. Новая власть, в лице могущественных военно-феодалов Минамото, а затем — Ходзё, конфисковала большую часть земельных владений, принадлежащих императорскому дому и многим аристократическим семьям, тем самым подорвав экономическую и политическую основу господства аристократии. Разумеется, со стороны былых властителей-императоров предпринимались попытки сопротивления, даже вооруженного (так называемая Смута годов Сёкю, 1219—1222), но правительство самураев без особых усилий легко справлялось с этими заговорами, не подкрепленными сколь-нибудь реальной силой, казня зачинщиков и бесцеремонно отправляя в ссылку императоров. Ко времени действия «Непрошеной повести», т. е. в конце XIII века, о сопротивлении уже не было речи. Во всех важнейших пунктах страны сидели наместники-самураи, зорко следившие не только за тем, чтобы рис — основа богатства в ту эпоху — неукоснительно поставлялся властям в Камакуре, но и за малейшими признаками неподчинения режиму. В столице, резиденции императоров, было сразу двое наместников, следивших за императорами и их окружением, а заодно и друг за другом¹. Правительство Полевой Ставки полностью контролировало жизнь двора, ему принадлежало решающее слово даже в таком кардинальном вопросе, как престолонаследие.

¹ Так, убийство наместника Токискэ Ходзё, о котором упоминает «Непрошенная повесть» (Свиток первый), произошло по прямому приказу правительства в Камакуре. Заподозренный в заговоре, он был убит самураями своего «коллеги», второго наместника, при том что являлся родным (старшим) братом главы правительства самураев. — *Здесь и далее комментарии И. Львовой.*

Новые правители, самураи, не уничтожили институт монархии, напротив, они его полностью сохранили, продолжая оказывать внешние почести императорскому дому. Больше того, заимствовав от бывшего режима систему регентства, теперь даже самого сёгуна, этого «Великого полководца, покоряющего варваров», назначали из числа малолетних принцев, отпрысков императорского семейства, а фактический глава нового режима (теперь он именовался не регентом, а правителем — сиккэн) вступал в должность лишь после соответствующего императорского указа. Излишне говорить, сколь фиктивный характер носили эти якобы высшие императорские прерогативы... Система регентства по-прежнему сохранялась также и при дворе. На троне восседал ребенок (иногда годовалый) или подросток, а его отец именовался «прежним» государем или, в случае принятия монашеского сана, — «государем-иноком». Такой порядок приводил к тому, что одновременно с «царствующим» императором имелось еще и несколько «прежних»¹. У каждого из них был свой двор, свой штат придворных и т. п.

Междоусобные войны конца XII и начала XIII века разорили и опустошили некогда пышную столицу Хэйан (современный г. Киото). Грандиозный дворцовый комплекс сгорел дотла. Постоянной императорской резиденции не существовало. Императоры жили в усадьбах знати, главным образом своей родни по женской линии. Так, часто упоминаемый в «Повести» дворец Томикодзи, где с детства жила и до двадцати шести лет служила Нидзё, фактически принадлежал знатному семейству Сайондзи. Монополия брачных союзов с императорским домом по-прежнему принадлежала этой семье, потомкам некогда могущественного рода Фудзивара. «Законных» супруг обычно бывало две, реже — три. Обе нередко доводились друг другу родными или двоюродными сестрами, а своему супругу-императору — двоюродными сестрами или

¹ Так, в «Непрошеной повести» описана сцена, когда на заупокойной службе по случаю третьей годовщины смерти императора Го-Фукакусы присутствовали «прежние» императоры — Фусими (сын), Го-Фусими (внук), Го-Уда (племянник). Царствующим императором был в это время Го-Нидзё (внучатый племянник).

тетками¹. Браки между кровной родней были обычным делом и заключались, как правило, в раннем возрасте, исходя только из политических соображений. При средневековом японском дворе не существовало гарема, зато процветал институт наложниц.

Знатным мужчинам и женщинам, служившим при дворе, приходилось самим содержать себя, своих слуг и служанок, свой выезд, они должны были заботиться о подобающих положении нарядах. Средств, с санкции самурайского правительства поступавших в императорскую казну, отнюдь не хватило бы для содержания пышной свиты. А свита по-прежнему была пышной, все так же сохранялась многоступенчатая иерархия придворных званий и рангов, соблюдался сложный придворный ритуал, традиционные, освященные веками церемонии, празднества, всевозможные развлечения. Это был причудливый мир, где внешне все как будто осталось без изменений. Но только внешне — по существу же жизнь аристократии, всего императорского двора была своеобразным вращением на холостом ходу, ибо безвозвратно канул в прошлое былой порядок, когда власть в феодальном японском государстве принадлежала аристократии.

Разумеется, богатая культурная традиция, сложившаяся в аристократической среде в минувшие века, не могла погибнуть в одночасье. При дворе по-прежнему продолжались занятия искусством — музыкой, рисованием, литературой, главным образом поэзией, но также и прозой. Об этом убедительно свидетельствует «Непрошенная повесть» Нидзё, придворной дамы и фаворитки «прежнего императора» Го-Фукакусы.

¹ Так, «главная» супруга императора Го-Фукакусы (именуемая в «Непрошенной повести» «государыней»), происходившая из семейства Сайондзи, была его родной теткой (младшей сестрой его матери, вдовствующей государыни Омияин). Брак был заключен, когда Го-Фукакусе было четырнадцать, а невесте двадцать пять лет. Вторая супруга Го-Фукакусы (госпожа Хигаси), также из рода Сайондзи, мать наследника, будущего императора Фусими, была двоюродной сестрой его первой жены.

* * *

Проза предшествующих веков была разнообразной не только по содержанию, но и по форме, знала практически все главные жанры — рассказ (новеллу), эссе, повесть и даже роман, — достаточно вспомнить знаменитую «Повесть о Гэндзи» (нач. XI в.), монументальное произведение Мурасаки Сикибу, надолго ставшее образцом для подражания и в литературе, и даже в повседневном быту. Уникальной особенностью классической средневековой японской прозы¹ может считаться ее лирический характер, проникновенное раскрытие духовной жизни, чувств и переживаний человека как главная задача повествования — явление, не имеющее аналогов в мировой средневековой литературе. «Непрощенная повесть» Нидзё написана в русле давней литературной традиции. Ясно, что перед нами не дневник в современном понимании этого слова. Повествование построено по хронологическому принципу, но совершенно очевидно, что создано оно, если можно так выразиться, «в один присест», на склоне жизни, как воспоминание о пережитом. Начитанная, образованная женщина, Нидзё строго соблюдает выработанный веками литературный канон — «литературный этикет», по определению академика Д. С. Лихачева, — пересыпает текст аллюзиями и прямыми цитатами из знаменитых сочинений не только Японии, но и Китая, обильно уснащает его стихами, наглядно показывая, какую важную, можно сказать, повседневно-необходимую роль играла поэзия в той среде, в которой протекала жизнь Нидзё. Широко используются так называемые формульные слова, наподобие то и дело встречающихся «рукавов, орошаемых потоками слез» для выражения печали или «жизни, недолговечной, как роса на траве» для передачи быстротечности, эфемерности всего сущего.

Больше того, в текст повести то и дело вплетаются не только отдельные образы или целые предложения, заимствованные из классической литературы; нетрудно заметить, что даже многие эпизоды, как они поданы в повести, основаны на чисто литературных источниках, а не подсказаны личным опытом автора.

¹ Имеется в виду проза IX–XII вв., часто именуемая в литературоведении «хэйанской», по названию г. Хэйан, столицы и центра культурной жизни в ту эпоху.

Перепевом традиционных мотивов являются, например, сцены прощания с возлюбленным при свете побледневшей луны на предутреннем небе или сетования по поводу пения птиц, слишком рано возвестивших наступление утра, т. е. разлуку, — мотив, перешедший в литературу из древнейших народных песен. Заимствование поэтических ситуаций и образов — это почти неперемutable правило средневекового «литературного этикета», оно, безусловно, было для своего времени весьма эффективным приемом. Современникам Нидзё, людям той среды, в которой она жила, были сразу понятны эти многочисленные аллюзии, они действительно расширяли поэтическое звучание текста, усиливали его эмоциональное звучание. А чего стоят пространные описания нарядов, мужских и женских, при почти полном отсутствии внимания к изображению самой внешности персонажей! И дело тут не просто в тщеславии или в чисто женском интересе к «нарядам» — наряд в первую очередь наглядно и зримо определял положение человека в социальной системе той эпохи. «Человек был в центре внимания искусства феодализма, — пишет академик Д. С. Лихачев, — но человек не сам по себе, а в качестве представителя определенной среды, определенной ступени в лестнице феодальных отношений»¹. Так и Нидзё, описывая одну из самых скорбных минут своей жизни, когда слуга принес ей предсмертное послание ее умершего возлюбленного, не забывает сообщить, во что и как был одет этот слуга...

Означает ли это, что повесть Нидзё всего-навсего эпигонское произведение?

Нет, продолжая формальные приемы «высокой» литературы, повесть Нидзё явно отмечена новизной по сравнению с классическими образцами прошлого. Бросается в глаза динамизм повествования, стремительное развертывание событий, короткие, полные экспрессии фразы, обилие прямой речи, диалогов, особенно в первых трех главах повести.

Но главной, неформальной особенностью повести Нидзё, дающей право говорить не только об ее оригинальности, является широта изображения современной автору жизни. Классические повести-дневники, созданные в эпоху Хэйан, всегда носили сугубо лирический характер, изображая только переживания

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1958, с. 27.

автора, его личную жизнь и то, что имело отношение к его, автора, узколичной судьбе. А Нидзё, рассказывая историю своей жизни, включает в свое повествование не только многочисленные предания и легенды, но также и сюжеты, выразительно рисующие быт, нравы и даже политические события средневековой Японии — изгнание очередного сёгуна, принца императорской крови, оказавшегося неудобным правительству самураев в Камакуре, соперничество родных братьев — «прежнего» императора Го-Фукакусы и его младшего брата, «царствующего», а затем тоже «прежнего» императора Камэямы, убийство самурайского наместника в столице, огорчения «прежнего» государя Го-Фукакусы по поводу назначения наследника и «благополучное» решение этого вопроса самурайским правительством... Правда, об этом последнем событии сказано почти вскользь, но само упоминание о делах подобного рода в повести, написанной женщиной, можно считать явным нарушением былых литературных канонов. Нидзё считает возможным с сочувствием упомянуть о тяжелой доле простых людей. Она догадывается о горькой жизни так называемых дев веселья, пишет о жестоком обращении самурая с подневольными слугами — темы, немыслимые в прежней литературе! Сочетая в себе традиционные и новаторские черты, повесть Нидзё как бы перебрасывает мост от классической литературы так называемой эпохи Хэйан к литературе развитого Средневековья.

* * *

Читатель не сможет не заметить, что «Непрошенная повесть» отчетливо распадается как бы на две половины. Первая посвящена описанию «светской» жизни Нидзё, во второй (Свитки четвертый и пятый) она предстает перед нами спустя четыре года, уже буддийской монахиней, совсем одинокой, в изношенной черной рясе, а в заключительном Пятом свитке — еще через девять лет¹, когда ей уже исполнился сорок один год.

¹ Этот разрыв в девять лет и отсутствие рассказа о пострижении в монахини — события исключительно важном в жизни Нидзё — дали основание японским ученым-филологам, тщательно изучившим повесть Нидзё, прийти к выводу, что между Третьим, Четвертым и Пятым свитками, возможно, существовали другие, утраченные.

Монашество — обычный финал многих женских судеб в эпоху феодализма. И все-таки можно сказать, что жизнь Нидзё сложилась особенно несчастливо. Судьба дважды, и притом в самом начале жизненного пути, нанесла ей удар за ударом, в значительной мере определив ее дальнейшую участь. Ей было пятнадцать лет, когда умер ее отец, и немногим более шестнадцати, когда умер ребенок, рожденный ею от императора. Кто знает, останься этот маленький принц в живых, судьба Нидзё, быть может, не была бы такой трагичной... Смерть императорского отпрыска развеяла мечты о личной карьере, отняла надежду на восстановление былой славы ее знатного, но захудалого рода. А смерть отца означала утрату не только духовной, но и материальной опоры в жизни. Кто только не заботился о Нидзё! Ее поддерживали все понемножку — и годичи (дед, дядя), и ее покровитель Сайондзи, и сам «прежний» император Го-Фукакуса, и его брат, тоже «прежний» император Камэяма, и даже старый министр Коноэ... Женщина, не имевшая поддержки влиятельной семьи, была совсем беспомощна в ту эпоху. Так и Нидзё пришлось волей-неволей служить послушной игрушкой чужих страстей и мимолетных капризов.

Но несмотря на все испытания, Нидзё все же не пала духом. Со страниц ее повести возникает образ женщины, наделенной природным умом, разнообразными дарованиями, тонкой душой. Конечно, она была порождением своей среды, разделяла все ее предрассудки, превыше всего ценила благородное происхождение, изысканные манеры, именовала самураев «восточными дикарями», с негодованием отмечала их невежество и жестокость. Но вместе с тем — какая удивительная энергия, какое настойчивое, целеустремленное желание вырваться из порочного круга дворцовой жизни! Требовалось немало мужества, чтобы в конце концов это желание осуществилось. Такой и остается она в памяти — нищая монахиня с непокорной душой...

И. Львова

Нидзё
НЕПРОШЕНАЯ ПОВЕСТЬ

СВИТОК ПЕРВЫЙ (1271–1274 гг.)

Миновала ночь, наступил новый, восьмой год Бунъэй¹, и, как только рассеялась туманная дымка праздничного новогоднего утра, дамы, служившие во дворце Томикодзи, словно только и ждали наступления этого счастливого часа, появились в зале для дежурных, соперничая друг с другом блеском нарядов. Я тоже вышла и села рядом со всеми. Помню, в то утро я надела алое нижнее платье на лиловом исподе, сверху — длинное темно-красное косодэ² и еще одно — светло-зеленое, а поверх всего — красное парадное карагину, короткую накидку с рукавами. Косодэ было заткано узором, изображавшим ветви цветущей сливы над изгородью в китайском стиле... Обряд подношения праздничной чарки исполнял мой отец, дай-

¹ Бунъэй — девиз, означающий «Просвещенное процветание»; соответствует 1264–1275 гг. по европейскому летосчислению. Таким образом, восьмой год Бунъэй — 1271 г.

² Косодэ — прообраз современного кимоно. В средневековой Японии придворные дамы носили, как правило, несколько косодэ, надеваемых одно на другое; в торжественных же случаях полный парадный туалет дамы состоял из двенадцати-тринадцати одеяний, под тяжестью которых женщина буквально сгибалась...

нагон¹, нарочно приехавший для этого во дворец. Когда торжественная часть церемонии закончилась, государь Го-Фукакуса² удалился в свои покои, позвал отца, пригласили также женщин, и пошел пир горой, так что государь совсем захмелел. Мой отец, дайнагон, он во время торжества по обычаю трижды подносил государю sake, теперь предложил: «За этой праздничной трапезой выпьем трижды три раза!»

— Нет, на сей раз поступим иначе, — отвечал ему государь, — выпьем трижды по девять раз, пусть будет двадцать семь чарок!

Когда все уже окончательно опьянели, он пожаловал отцу чарку со своего стола и сказал:

— Пусть дикий гусь, которого я ждал так долго и терпеливо, этой весной прилетит наконец в мой дом!

Отец с низким поклоном вернул государю полную чарку и удалился, кланяясь с особым почтением.

Я видела, прежде чем он ушел, государь что-то тихонько сказал ему, но откуда мне было знать, о чем они говорили?

Праздник закончился, я вернулась к себе и увидела письмо. «Еще вчера я не решался писать тебе, но сегодня наконец открою сердце...» — так начиналось послание. Тут же лежал подарок — восемь тонких, прозрачных нижних одеяний, постепенно переходящих от алого к белому цвету, темно-красное одинарное верхнее одеяние, еще одно, светло-зеленое, парадная накидка, шаровары — хакама, три косодэ одной расцветки, два косодэ

¹ Д а й н а г о н (букв.: «старший советник») — одно из высших гражданских званий средневекового японского двора.

² Г о с у д а р ь Г о - Ф у к а к у с а — согласно традиционной японской историографии 89-й император Японии (1243—1304). Был объявлен императором в четырехлетнем возрасте, семнадцати лет «уступил» престол младшему брату, императору Камэяме (1249—1305; годы правления — 1259—1274).

другого цвета. Все завернуто в кусок ткани. Вот неожиданность! К рукаву одной из одежд был прикреплен тонкий бумажный лист со стихами:

Пусть мы не можем,
как птицы, летящие рядом,
крылом прислониться к крылу, —
журавлиное платье
напомнит о нашей любви.

Нужно было быть вовсе бесчувственной, чтобы оставить без ответа такой подарок, продуманный столь тщательно и любовно... Но я все-таки отправила обратно весь сверток и написала:

«О, как могу я
наряд примерять золотой,
облачаясь в любовь?
Ведь платье промокнет насквозь
от моих слез...

Но если бы ваша любовь и впрямь была вечной, я с радостью носила бы эти одежды...»

Около полуночи той же ночью кто-то вдруг постучал в калитку.

Девочка-прислужница, ничего не подозревая, открыла калитку. «Какой-то человек подал мне это и тотчас же исчез!» — сказала она, протягивая мне сверток. Оказалось, это тот самый сверток, что я отослала, и вдобавок стихотворение:

Раз так любишь, как говоришь,
и дальше любить не перестанешь, —
журавлиный наряд сделай платьем ночным, —
так я буду с тобой рядом в ложе,
хоть не будет меня...

На сей раз я уже не знала, куда и кому возвращать эти одеяния. Пришлось оставить их у себя.

Я надела эти одежды в третий день нового года, когда стало известно, что к нам, во дворец Томикодзи, пожалует государь-инок Го-Сага¹, отец нашего государя.

— И цвет, и блеск ткани на диво хороши! Это государь Го-Фуакакуса подарил тебе такой наряд? — спросил мой отец, дайнагон. Я невольно смутилась и ответила самым небрежным тоном: «Нет, это подарок бабушки, госпожи Китаямы...»

Вечером пятнадцатого дня из дома за мной прислали людей. Я была недовольна — что за спешка? — но отказаться не посмела, пришлось поехать. Усадьба удивила меня необычно праздничным видом. Все убранство — ширмы, занавеси, циновки — одно к одному, нарядное, пышное. Но я подумала, что, вероятно, все это устроено по случаю наступления нового года. Этот день прошел без каких-либо особых событий.

Назавтра с самого утра поднялась суматоха — совещались об угощении, о всяких мелочах, обсуждали, где разместить кареты вельмож, куда поставить верховых коней... «В чем дело?» — спросила я, и отец, улыбнувшись, ответил: «Видишь ли, по правде сказать, сегодня вечером государь Го-Фуакакуса осчастливит своим посещением нашу усадьбу по случаю Перемены места². Оттого и убрали все, как подобает. К тому же сейчас как

¹ Государь-инок Го-Сага — 88-й император Японии, отец императора Го-Фуакакусы. Вступив на престол в 1243 г., он уже в 1247 г. «уступил» престол своему четырехлетнему сыну. По традиции после отречения постригся в монахи и стал именоваться «государем-иноком»

² В средневековой Японии были широко распространены различные суеверные представления и гадания, астрология, геомантика и т. п. По указанию жрецов-предсказателей нужно было во избежание несчастья изменить местопребывание — переехать с запада на восток, с севера на юг или наоборот и т. д.